

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5+63.3(0)6
Н725

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ.

Редколлегия:

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской истории и методологии исторической науки БГПУ *А.П. Житко*;
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории БГПУ *Г.А. Космач* (науч. ред.);
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси БГПУ *А.М. Лютый*;
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних цивилизаций и средневековья БГПУ *В.В. Тугай*;
доктор исторических наук, профессор кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ *В.М. Фомин*;
кандидат исторических наук, доцент кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ *В.Г. Федорасова*

Рецензент

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени БГУ
В.С. Кошелев

Германия и германский вопрос в истории XX века : сб. науч.ст. / редкол.
А.П. Житко [и др.]; науч. ред. Г.А. Космач. – Минск : БГПУ, 2010. – 168 с.
ISBN 978-985-501-446-2.

В сборнике освещены основные аспекты германского вопроса, проблемы немецкой оккупационной политики в Беларуси, актуальные вопросы борьбы против немецко-фашистских захватчиков в 1941-1945 гг., а также некоторые важные темы по истории международных отношений.

Адресуется студентам и аспирантам, научным работникам в сфере обществоведения.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5+63.3(0)6

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Германия и германский вопрос в истории XX века

Сборник научных статей

империализмом за гегемонию в Европе. Временно победила Великобритания, которая добила гарантии западных границ Германии и открыла возможность ревизии её восточных границ, при этом она использовала Германию как свою «шахматную фигуру» для ухудшения советско-германских отношений. К. Цеткин резко критиковала внешнюю политику Англии, жестокую эксплуатацию Великобританией многочисленных колоний и активную борьбу английского империализма против национально-освободительного движения. Отметив антигерманскую и антисоветскую политику Англии и Франции, К. Цеткин призвала установить военный союз между Германией и СССР против Запада. Она считала необходимым вернуть все территории, утраченные Германией после Первой мировой войны. «Я даже думаю в противовес господину депутату Вельсу (СДПГ), что вовсе не исключено, как он себе представляет, взаимодействие при определенных обстоятельствах между рейхсвером и красноармейцами», — подчеркнула К. Цеткин [10, S. 4637]. Она сказала, что будущее Германии, её национальные и социальные интересы связаны с СССР, а не со странами Запада. Это «будущее Германии основано на тесной общности интересов в экономической, политической и, если понадобится, также и в военной сферах с Советским Союзом», — заключила К. Цеткин. Ее речь неоднократно прерывалась совместными аплодисментами и возгласами одобрения со стороны фракции национал-социалистов и фёлькише, а также националистов (НННП) и КПГ [10, S. 4638].

1 декабря 1925 г., в день окончательного подписания Локарнских соглашений в Лондоне, Э. Цу Ревентлов поддержал в рейхстаге заключение советско-германского торгового договора от 12 октября 1925 г. и призвал Германию стать на сторону СССР в мировом противостоянии между Россией и англо-саксонским миром. Он считал, что Германия должна поддерживать национально-освободительное движение и «советскую пропаганду» на Востоке, чтобы подорвать «господство международного капитализма» [10, S. 4689].

В 1925 г. министр иностранных дел Германии и председатель ННП Г. Штреземан стал объектом целенаправленной критики и политической травли со стороны правых сил, в особенности фёлькише и национал-социалистов. С трибуны рейхстага они осуждали «политику выполнения» Версаля и Локарно, которую проводил Г. Штреземан. Он был также обвинён в коррупции и в связях с богатыми евреями и Всемирной сионистской организацией во главе с Х. Вейцманом [7, S. 218]. Особую ненависть у националистов и фашистов вызывала жена министра иностранных дел, которую они считали еврейкой.

Г. Штреземан старался проводить тактику лавирования между Востоком и Западом с целью постепенного достижения полной ревизии Версаля и восстановления германских границ 1914 г. Он настороженно относился к СССР и опасался союза с большевиками: «Но идти на брак с коммунистической Россией, значит уложить свой собственный народ в постель к убийце» [4, Bd. 2, S. 28]. Во многом благодаря позиции Г. Штреземана укреплялся дух Локарно, а Германия в сентябре 1926 г. вступила в Лигу наций. Прозападная ориентация Г. Штреземана подверглась особо острым нападкам в рейхстаге со стороны национал-большевистских сил фёлькиш-нацистской фракции. Она неоднократно ставила вопрос в рейхстаге о выражении недоверия Г. Штреземану, лишении его Нобелевской премии мира и требовала отставки министра иностранных дел. Сам Г. Штреземан заявил 24 ноября 1925 г. в рейхстаге: «Значение духа Локарно в том, что отныне уже нет германского вопроса, а есть европейский и международный вопрос. Политика Локарно исключает политику насилия в отношении Германии. Локарно означает возрождение немецкой свободы» [2, с. 346].

Следует отметить, что большинство партий Веймарской Германии оказали поддержку политике Г. Штреземана, который добился возможности ревизии восточных границ Германии, не получивших гарантий, в отличие от западных границ, в Локарно. Даже руководители НДП считали, что Германия должна добиться изменения своих восточных границ. А. Эркеленц (лидер левого крыла НДП) сказал на заседании рейхстага 19 февраля 1926 г.: «Борьба на востоке Германии за границу между немцами и славянами ещё не завершена, Границы, которые определились в мировой войне, отнюдь не окончательны. Мы не знаем, когда начнётся следующий шторм против границ на востоке и где он будет. Но то, что он будет, это абсолютно верно» [11, S. 5727].

Фашисты в рейхстаге крайне негативно оценивали итоги Локарно, особенно вновь подтверждённую потерю Эльзаса и Лотарингии, дальнейшую эксплуатацию Саара (со стороны Франции) и включение Германии в систему договоров, привязывающих её к странам Запада.

Вступление Германии в Лигу Наций, которое должно было последовать после Локарнских соглашений, Г. Штрассер оценил в ноябре 1925 г. как «окончательное и полное включение Германии в качестве спутника и раба в мировую систему версальских государственных победителей» [10, S. 4556]. Он призвал немецкий народ осудить «предательскую политику веймарских партий» и отстаивать национальную независимость.

Э. Цу Ревентлов и Г. Штрассер в рейхстаге одобрили подписание в качестве противовеса Локарно советско-германского торгового договора 12 октября 1925 г. и Берлинского договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Германией 24 апреля 1926 г. Они поддерживали политику СССР на Востоке, направленную на оказание помощи национально-освободительному движению.

В июне 1925 г. была создана единая фракция Немецкого народного освободительного движения (фёлькише) и НСДАП в составе 15 человек. От этой фракции по различным проблемам восточной политики Германии наиболее активно выступали В. Кубе, Г. Штрассер и граф Э. Цу Ревентлов. Последний ещё более последовательно (в рамках правого национал-большевизма) ратовал за сотрудничество с Россией на антизападной основе. Многие фёлькише поддерживали рапальский курс во внешней политике Германии.

Список использованных источников

1. Васильченко, А. Война кланов. «Черный фронт» против НСДАП / А. Васильченко. — М.: Изд-во Язуз, 2005. — 416 с.
2. История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потёмкина. — М.—Л.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1945. — Т. 3: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939 гг.). — 884 с.
3. Die deutschen Kanzler. — Berlin: Aufbau, 1998. — 448 S.
4. Eyck, E. Geschichte der Weimarer Republik: in 2 Bd. / E. Eyck. — Erlenbach: E. Rentsch, 1956. — Bd. 2.
5. Frick, W. Die Nationalsozialisten im Reichstag. 1924—1931 / W. Frick. — München: Verlag Frz. Eher, 1932. — 160 S.
6. Verhandlungen des Reichstags. — Bd. 381. — Berlin: Reichsdruckerei, 1924. — 1254 S.
7. Verhandlungen des Reichstags. Bd.384. — Berlin: Reichsdruckerei, 1925. — 1114 S.
8. Verhandlungen des Reichstags. — Bd. 386. — Berlin: Reichsdruckerei, 1925. — S. 2215—3322
9. Verhandlungen des Reichstags. — Bd. 387. — Berlin: Reichsdruckerei, 1925. — S. 3323—4446.
10. Verhandlungen des Reichstags. — Bd. 388. — Berlin: Reichsdruckerei, 1926. — S. 4447—5576.
11. Verhandlungen des Reichstags. — Bd. 389. — Berlin: Reichsdruckerei, 1926. — 5577—6717 S.

«ИМПЕРСКАЯ РЕФОРМА» В ПРОЕКТАХ ВЫСШЕЙ НЕМЕЦКОЙ БЮРОКРАТИИ (1920-Е ГГ.)

Субботин О.Г.

В годы Веймарской республики авторство большинства проектов «имперской реформы» принадлежало представителям высшей немецкой бюрократии. В отличие от репрезентантов академической среды их отличал профессиональный взгляд на проблему преобразований, приближенный к реальности и лишенный абстрактных, умозрительных конструкций.

Министеряльديرектор и член рейхсрата Ф. Пётцш-Хеффтер (Саксония) отказывался в претензии на государственность [1, S. 7-8]. Начатый после революции процесс

создания единого, или унитарного, государства чиновник считал незавершенным, отмеченным «ярким противоречием между фактическими правами земель и формальными атрибутами их власти». В числе главных барьеров на пути к «подлинному единству» Германии Пётцш-Хеффер называл земельный парламентаризм, диспропорции территориальной структуры, а также наличие двух конкурирующих между собой систем управления – имперской и прусской [1, S. 14-17, 19-20]. В поле его критики находились также организационно-функциональные недостатки малых земель и финансовая гегемония рейха, подрывающая региональную стабильность [1, S. 22-26]. «Государство Бисмарка», сочетавшее в себе «федеративные, гегемониальные и национально-государственные черты», изначально рассматривалась им как «переходная модель на пути к унитарному государству», поэтому он отвергал реформу в духе «рейхсланда» как промежуточное, ограниченное северными областями решение. [1, S. 24, 27-30, 34-39].

Проблему «германского единства» чиновник рассматривал в контексте достижения двух целей – обеспечения единого руководства и оптимизации форм управления на уровне земель [2]. В первом случае речь шла о преодолении прусско-германского дуализма, а во втором об автономии органов местной власти. «Если посмотреть объективно, - писал он, - то сильная власть рейха и децентрализация являются не противоположностями, а обуславливающими друг друга величинами» [3]. Пётцш-Хеффер настаивал на укрупнении малых земель, но в то же время оставлял открытым вопрос о судьбе Тюрингии, Гессена и Мекленбурга. Что касается ганзейских городов, то их он предлагал инкорпорировать в рейх. Только «основанное на симбиозе достижений гегемониального и федеративного прошлого Германии дифференцированное решение» могло, по мнению чиновника, обеспечить единство нации [1, S. 40-45].

Сторонником широкой децентрализации в сфере экономики и культуры выступал министралират и министралират-директор в прусском министерстве торговли О. Фрилингхаус [4, S. 136-137]. Взяв за основу окружные отделы труда, он разработал собственную схему территориально-административного деления: Восточная Пруссия, Силезия, Бранденбург, Померания, Нордмарк, Нижняя Саксония, Вестфалия, Рейнланд, Гессен, Средняя Германия (Провинция Саксония, Тюрингия, Ангальт, прусский округ Шмалькальден), Саксония, Бавария, Юго-западная Германия. Во главе государства Фрилингхаус поставил имперского президента и правительство, в подчинении у которых находились президенты и правительства земель. Глав немецких территорий он предлагал избирать на местах (ландтагами) и утверждать в центре. Такой же порядок действовал в отношении обер-бургомистров. Земельное правительство состояло из пяти отделов, ведающих сферами управления, коммунальной, финансовой, экономической и культурной политики. На высшем уровне действовали 4 ведомства – военное, Верховный суд, дирекция имперской железной дороги и высшая почтовая администрация. 1/3 депутатских мест в ландтаге Фрилингхаус закрепил за представителями работодателей и членами профсоюзов. Что касается рейхсрата, то его структура была заимствована у В. Апельта [5, S. 91-92]. Доступ к формированию государственной воли получили репрезентанты крупных культурных и промышленных объединений, а также общественных и частноправовых организаций.

Убедленным сторонником объединения государств северной и средней Германии в рейхсланд был прусский министр финансов Г. Хёпкер-Ашофф. В работе «Немецкое единое государство» он сформулировал принципы рационализации системы управления, предложив установить тотальный имперский контроль над финансами, юстицией и трудовыми отношениями, объединить недееспособные регионы, интегрировать органы местного управления в единую систему, передать законодательную монополию рейху и т.д. [6]. Конечной целью реформы являлось создание 12 имперских провинций в дополнение к трем южно-германским землям – Баварии, Бадену и Вюртембергу. Различия между ними Хёпкер-Ашофф намеревался нивелировать через усиление провинциальной автономии, наделение служащих Северной Германии имперским статусом и частичной передачи Берлину земельных полномочий.

Реформа Хёпкер-Ашоффа предусматривала три стадии развития. На первой предстояло объединить неэффективные органы местной власти, на второй – узко-профильные ведомства Пруссии с общегосударственными органами управления и, наконец, на третьей создать на месте прусских провинциальных инстанций окружные правительства и наделить северогерманские земли статусом имперских провинций. Рейхсрату отводилась роль выразителя интересов южно-германских земель и северогерманских провинций. К компетенции последних относились вопросы социального воспитания, транспорт, электроснабжение, дорожное строительство, меллиорация, строительная полиция, тарифная политика и т.д. Тем самым достигалось состояние «единого государства» на севере, в то время как Бавария, Баден и Вюртемберг на время сохраняли самостоятельность [5, S. 82-84].

Для обер-регирунгсрата Х. Конрада реформа Веймарской конституции вращалась вокруг проблемы федеративных отношений. Рейх, по его мнению, представлял собой «конгломерат земель», ведущих в той или иной степени самостоятельную политику. Внутренние границы Германии Конрад считал «иррациональными», требующими ревизии по экономическим мотивам. За основу чиновник предлагал взять территории немецких бирж труда: Восточная Пруссия, Силезия, Брауншвейг, Померания, Нордмарк, Нижняя Саксония, Вестфалия, Рейнланд, Гессен, Средняя Германия, Саксония, Бавария без Шмалькальден, Юго-западная Германия [7, S. 7, 17-18]. Конрад настаивал на унификации административного права земель и принципов организации местной власти, предлагал вариант личной унии рейхспрезидента и штатс-президента, канцлера и министра-президента, а также ключевых министров с последующей трансформацией Пруссии в рейхсланд. Для недееспособных субъектов он видел две перспективы: заключение «акцессионного договора» о передаче внутреннего управления Пруссии и объединение нескольких государств в одно [7, S. 23-25].

С критикой экспансии рейха на домены немецких земель в сфере законодательства и управления выступал штатс-президент Вюртемберга О. Больц. Его не устраивал низкий статус рейхсрата, намерение центра вывести крупные города из-под надзора земель и провести огосударствление органов земельной юстиции и полиции. От рейха Больц ожидал «умеренной политики» в сфере законодательства, в вопросах школы, сельского хозяйства, культуры и т.д. В этой связи он подверг жесткой критике деятельность имперских фондов, распределявших субсидии в обход земельных властей, и неуклонный рост финансовой нагрузки на регионы [8, S. 679-696]. В подготовленном правительством Вюртемберга меморандуме содержался призыв к Берлину, «не превращать земли в провинции», а сосредоточить усилия на «разумном разделении компетенций» в рамках действовавшей конституции [8, S. 671-678].

К сторонникам идеи децентрализованного единого государства принадлежал и обер-регирунгсрат В. Адамец. По его подсчетам, на содержание государственно-административного аппарата в Пруссии уходило 16% от общей суммы расходов, в Баварии – 31%, Бадене – 43%, Вюртемберге – 44%, Гессене – 45%, Саксонии – 56%, Италии – 13,4%, Франции – 18,2%, Великобритании – 14,2% и Бельгии – 23% (1927) [9]. В этой связи Адамец требовал деюрократизации органов власти, четкого распределения полномочий, ограничения парламентского абсолютизма и, по возможности, объединения средних и низших инстанций. В сжатом виде схема «неотложных мероприятий» Адамца выглядела следующим образом: «рамочное регулирование налоговой сферы – реформа управления – ревизия конституции» [10, S. 50-51].

Одним из ярчайших теоретиков реформы являлся министралират-директор А. Брехт. В числе явных недостатков веймарской модели государства он называл малую степень политической гомогенности земель, несогласованную работу министерств и ведомств, неэффективность органов местной исполнительной власти [11, S. 9]. Всё это говорило об «отсутствии в стране реальной федеративной основы». Согласно схеме «тезис-антитезис-синтез» дискуссия о реформе рейха, по мнению Брехта, прошла в своем развитии семь стадий – от идеи «единого государства» через «северогерманское особое решение» до предложенного Конституционным комитетом в 1929 г. «дифференцированного общего решения» [12, S. 132-134].

Брехт отвергал единый тип земель как источник «разрушения укоренившихся на местах традиций». Для южан, считал он, была немислима потеря контроля за деятельностью общин, полиции и школы. Тем не менее, реформа «могла иметь» только облик окончательного решения [11, S. 16, 20]. Ускорить процесс унификации имперской системы управления было призвано слияние Пруссии и рейха. Отдельного решения требовала ситуация в Тюрингии и Саксонии [11, S. 12-15]. В сжатом виде план Брехта имел следующее содержание: 1. Интеграция прусской системы управления в имперскую. 2. Установление имперского контроля над 13 провинциями Пруссии и наделение их статусом имперских земель. 3. Передача в распоряжение земель «старого и нового образца» второстепенных для рейха полномочий. 4. Установление границ «новых земель» в соответствии с потребностями экономики и административной системы. 5. Объединение карликовых государств и анклавов с «землями нового образца». 6. Подтверждение правового статуса Баварии, Саксонии, Бадена и Вюртемберга и предоставление им конституционных гарантий территориальной целостности. 7. Передача прусских голосов в рейхсрате «землям нового образца». 9. Обеспечение процесса разработки и принятия имперских законов, относящихся к «новым землям», исключительно представителями этих территорий [12, S. 135-137].

К сфере имперского управления Брехт относил внешнюю политику, вермахт, почту, железные дороги, общую финансовую и экономическую политику, трудовое и социальное законодательство, арбитраж; к области регионального управления – социальную защиту, вопросы общественной безопасности, здравоохранение, молодежную, жилищную, аграрную и земельную политику, земельные финансы, транспорт, пути сообщения (кроме железнодорожного, воздушного и автомобильного) и т.д. В то время как «землям старого образца» они принадлежали по конституции, «новые» получали их на принципах делегированных полномочий. Отдельные вопросы трудовой и социальной политики, будь то социальное страхование или трудовое администрирование, находились в совместном ведении рейха и земель [12, S. 137-138]. За центром Брехт признавал также право нормативного законодательства в сфере управления, разработки коммунальных уставов, административного права, приема экзаменов и т.д. [12, S. 138-140].

Министерияльдириктор Э. Риттер (министерство труда) попытался синтезировать реформу, взяв за основу концепции «рейхсланда» и «децентрализованного единого государства» и вычленив из них южно-германский аспект [13, S. 3]. Итогом его работы стал обличенный в форму конституционных поправок проект. Риттер признавал заслуги Пруссии в области экономического, культурного и социального развития провинций, однако путь к единству нации через пруссификацию считал ошибочным. В деятельности местных властей он видел стремление к гегемонии, поэтому критиковал прусское правительство за чинимые помехи в налаживании прямых контактов между рейхом, провинциями, округами и общинами [14, S. 25-29]. Выдвинув лозунг «Через прусские провинции к немецкому государству самоуправления!», Риттер, в сущности, поддержал концепцию рейхсланда, т.е. переход провинций под непосредственное управление рейха и повышение их статуса до уровня земель [14, S. 62, 87-88].

Управление рейхсландом призвана была осуществлять земельная директория во главе с ландеспрезидентом. Подобно тому, как рейхспрезидент назначал ландеспрезидента, последний назначал членов директории – ландес-канцлера и ландес-директоров на срок от 5 до 12 лет. Ландтаг Риттер предлагал избирать на 4 года. Рейхсланд был вправе созывать ландесбайрат (совет), состоящий из представителей коммунальной администрации, науки, искусства, религии, литературы, социальной сферы, частной экономики и наделять его правом вето на принимаемые ландтагом законы. Земельная директория выполняла функции прусского правительства, оберпрезидента, ландесгауптмана и провинциального комитета вместе взятых. На переходный период план Риттера предусматривал формирование временных ландтага и директории.

В рамках действовавшей конституции каждая земля самостоятельно определяла форму основного закона. Кроме того, с помощью поправок к конституции Пруссия могла

известить любую провинцию в ранг свободного рейхсланда [14, S. 36-39]. Решающее значение в этом случае приобретало волеизъявление местных жителей. И лишь земли с населением менее 350 000 человек Риттер предлагал подвергнуть процедуре принудительного объединения в «Среднегерманский рейхсланд». Речь шла о Липпе, Шаумбург-Липпе, Брауншвейге и Ангальте. В общей сложности Риттер наметил 15 «свободных имперских» земель и 9 «обычных» земель: 1. Рейнская провинция, Вестфалия, столица рейха Берлин, Саксония, Ганновер, Нижняя Силезия, Бранденбург (с Гренцмарком Позен-Вестпроейс), Гессен-Нассау (с Вальдеком), Восточная Пруссия, Поммерания, Шлезвиг-Гольштейн, Верхняя Силезия, Средняя Германия (Брауншвейг, Ангальт, Липпе, Шаумбург-Липпе), Мекленбург (Мекленбург-Шверин, Мекленбург-Штрелиц) и Ольденбург; 2. Бавария, Саксония, Вюртемберг, Баден, Тюрингия, Гессен, Гамбург, Бремен, Любек. Гогенцоллерн оставался рейхсландом до объединения с Баденом или Вюртембергом [14, S. 50-51].

Предложенный вариант реформы Риттер считал верным средством «достижения мира» между югом и севером, методом рационализации системы финансового выравнивания. Уровень земельных полномочий обуславливался спецификой их развития, так что структура имперского управления выглядела следующим образом: *ландрат* – *земельная директория* – *имперское правительство*; в крупных землях: *ландрат* – *рейхсунгспрезидент*, или *ландесаунтман* [14, S. 53-55].

Главным недостатком концепции Риттера была сложная схема территориально-политической организации Северной Германии [5, S. 98-99]. Хёлкер-Ашофф видел в попытке замены «централизованной Пруссии провинциальной ... чрезвычайно затратный механизм решения проблемы дуализма», когда «на месте единого законодательства и парламента появятся пятнадцать» [13, S. 6].

Пламенным пропагандистом идеи децентрализованного единого государства являлся видный либеральный политик и публицист Э. Кох-Везер [5, S. 84]. Унитаризм в его представлении не был тождественен централизации. Более подходящей моделью для такого крупного государственного образования как Германия он считал «децентрализованный унитаризм или разделенное единство». Кох-Везер высоко оценивал шансы унитариев на компромисс с «разумными федералистами», учитывая отсутствие четкой грани между унитаризмом и федерализмом. В то же время, он отвергал диалог с силами германского партикуляризма [15]. В работе «Единство и свобода» (1927) Кох-Везер высказался в поддержку «здорового союза», которого «страна не знала на протяжении всей своей тысячелетней истории», потребовал четко разделить полномочия между рейхом и землями, наделить имперское правительство правом использования органов местного управления, установить единые критерии работы коммунальных властей и провести «разумную» территориальную реформу [10, S. 106-107; 16].

Конкретные очертания концепция чиновника получила в работе «Единое государство и самоуправление» (1928). Ее автор предложил сохранить автономию правобережной рейнской Баварии, Бадена, Вюртемберга и «территориально округленной Тюрингии», упразднить карликовые государства, анклавы и эксклавы, пересмотреть границы между Гамбургом и Пруссией и, при необходимости, объединить Пруссию с рядом северо-германских территорий [5, S. 84].

Будучи противником тактики «мелких шагов», Кох-Везер не полагался на произвольное течение времени, видя в этом опасность бюрократизации. К сфере исключительных компетенций рейха он относил: юстицию, вопросы гражданства, школу, земельное управление, унификацию административной юриспруденции и установление «единых критериев работы коммун» [5, S. 84; 17]. Наконец, рейх должен был усилить надзор за исполнением имперских законов, снизить затраты на содержание дорогостоящего регионального парламентаризма, добиться избрания местных правительств на весь период работы ландтагов и сенатов [5, S. 84].

Исходя из тезиса о власти народа, Кох-Везер отрицал суверенный характер земель и их государственность [18, S. 1-3]. Только единая Германия, по его словам, могла достойно

конкурировать на международной арене, и как раз потенциал Пруссии давал рейху возможность установить «географический, политический и экономический контроль» над немецкими регионами, обеспечить «равновесие между сильными и слабыми частями страны – от Рейна до Саара и восточно-пруссского морского плато, от Шлезвига до Верхней Силезии» [18, S. 12-13, 30, 32]. Концентрация большей части немецкой территории в границах рейхсланда не могла, по мнению Кох-Везера, принципиально изменить отношения Берлина с южно-германскими землями. Напротив, «единая, экономичная практика управления в рейхсланде окажет влияние на эти земли, которые без всякого принуждения позаимствуют то, что утвердится в рейхсланде» [18, S. 41, 45, 52, 57].

Определяющим в отношениях рейха и земель, по мнению ландесгауптмана Рейнской провинции И. Хориона, был вопрос о степени соответствия «централизации и децентрализации» [19, S. 3-5]. Он не признавал ни унитарных, ни федеративных государств в их чистом виде, поддерживал идею делегированного управления, учитывающего особенности регионального развития и в то же время возражал против искусственного наступления рейха на права земель как способа достижения единства [19, S. 6-9].

Актуальность реформы Хорион объяснял очевидным дисбалансом прусско-германских отношений, ведущих к потере авторитета государственной власти, нездоровой конкуренции, дублированию работы, борьбе за престиж, поощрению ведомственного партикуляризма и утаиванию информации (планы, факты, цифры), препятствующих выработке единой государственной политики [19, S. 13]. В то время как рейх нес на себе основное бремя ответственности за нацию, экономику и финансы, Пруссия обладала непосредственными рычагами власти [19, S. 20-21].

Хорион был противником комплексной территориальной реформы. Введение имперского управления в «слабых землях» грозило, по его мнению, нагромождением властных структур и ростом бюрократии. Куда более действенным механизмом укрепления единства «стало бы вхождение малых земель в состав Пруссии» [19, S. 23-25]. «Если Пруссия ... пожелает, то реформа состоится, а если нет, то ее не будет. Сама по себе реформа не способна решить экономические и финансовые проблемы, но и без нее не возможно оздоровление Германии». Политическим идеалом ландесгауптмана являлось «сильное государство под руководством ... полноценного, целеустремленного правительства, учитывающего в рамках единой системы власти особенности развития земель и провинций» [19, S. 33-34].

Оригинальный план «единого государства» разработал обер-бургомистр Кенигсберга Г. Ломайер. Предложенная им схема власти выглядела следующим образом: *региональная структура управления* (города, округа) – *средняя инстанция* (рейхспровинция или земля) – *имперская инстанция* (рейх). И первая, и вторая обладали налоговой автономией [20, S. 40]. На начальном этапе Ломайер хотел упразднить земли с количеством жителей менее 1 млн. человек [21, S. 52]. С учетом исторического развития немецких племен общее количество субъектов достигало 14: 1) Восточная и Западная Пруссия, 2) Берлин и Бранденбург (возможно с Померанией и Мекленбургом), 3) Силезию, 4) Померания и Мекленбург, 5) земля Саксония, 6) провинции Саксония и Тюрингия, объединенные с Брауншвейгом и Ангальтом, 7) Гессен и Гессен-Нассау, 8) Рейнланд (включая Биркенфельд), 9) Вестфалия (включая оба Липпе и Вальдек), 10) Ганновер-Ольденбург-Бремен или Нижняя Саксония с Шлезвиг-Гольштейном и Ганновером, 11) Шлезвиг-Гольштейн включая Гамбург и территорию бывшего княжества Любек, 12) Бавария, 13) Вюртемберг и Баден включая Гогенцоллерн, или Швабия (Вюртемберг, Баден, Гогенцоллерн). Согласно второму варианту речь шла о 9 имперских провинциях.

Руководство провинциями осуществляли подотчетные ландтагу ландесгауптманы, стоявшие во главе ландесратов. Последние формировались из представителей городов и округов. Кроме того, в провинциях действовали провинциальные комитеты. Второй по значимости фигурой в регионах являлся назначаемый рейхом обер-президент, отвечавший за координацию государственной политики. К сфере провинциальных полномочий относились: вопросы высшей и специальной школы, искусство, наука, народное

образование, деятельность церкви, религиозных общин и социальных объединений, дорожное строительство. В данном случае рейх обладал правом нормативного законодательства и надзора. В его распоряжение переходили также органы юстиции и общее руководство полицией безопасности.

Рейхстаг, согласно Ломайеру, избирался на мажоритарной основе, а правительство утверждалось на весь период работы парламента. В списке требований обер-бургомистра значились и такие пункты, как огосударствление юстиции, устранение барьеров на пути территориальной реформы, уравнивание рейхсрата в правах с нижней палатой. Членов рейхсрата Ломайер предлагал избирать в провинциальных ландтагах по схеме «1 голос на 1 млн. жителей», что позволяло Пруссии и ее провинциям получить 40 голосов, Баварии – 7, Саксонии – 6, Вюртембергу и Бадену по 2, а Гамбургу, Гессену и Тюрингии по 1 [20, S. 52-57; 10, S. 111-112].

Для обер-бургомистра Нюрнберга Г. Луппе оптимальным вариантом реформы являлось создание имперских провинций. Законодательство и управление страной, по его мнению, вполне могли обеспечить рейхстаг и имперское правительство. Наряду с этим Луппе предлагал внести дополнения в ст. 18 под буквой «а», позволяющие вводить на основе договора и с санкции немецкого парламента прямое имперское управление в любом регионе Германии. В этом случае место региональных инстанций занимали органы исполнительной и законодательной власти рейха [22].

Убедленным сторонником концепции рейхсланда «Пруссия» являлся ландесрат Рейнской провинции В. Китц, предложивший перепрофилировать министерства земли в соответствующие отделы имперских ведомств во главе со статс-секретарями, сохранив на время посты регирунгспрезидентов и обер-президентов и объединить мелкие административные округа с средними по размеру ландкрайзами. [23]. Провинциям Китц отказывал в претензии на автономный статус [5, S. 97]. Прусский ландтаг и штатсрат упрямдились, а их служащие переходили в разряд имперских. Законы рейхстага, относившиеся к рейхсланду, не имели силы, если «против» голосовало более половины избранных в нем депутатов. В этом Китц видел гарантию невмешательства земель в дела рейхсланда. Ограничение прусского влияния в рейхсрате достигалось за счет права провинциального представительства (ландесгауптманы): Восточная Пруссия – 3, Бранденбург – 4, Берлин – 6, Померания – 3, Гренцмарк Позен-Восточная Пруссия – 1, Нижняя Силезия – 4, Верхняя Силезия – 2, Саксония – 5, Шлезвиг-Гольштейн – 2, Ганновер – 4, Вестфалия – 7, Рейнская провинция – 10, Гессен-Нассау – 3, Гогенцоллерн – 1 [21, S. 53]. Пруссия не обладала собственным парламентом, однако могла с помощью 1/2 прусских депутатов рейхстага наложить вето на любой имперский закон, для преодоления которого требовалось не менее 2/3 голосов нижней палаты [24]. Веймарскую конституцию Китц предлагал сохранить в силе, за исключением ст. 18.

Инициативы Китца не давали четкого представления о конечной цели реформы [10, S. 105]. Их автор пытался найти оптимальное решение федеративного вопроса, что было вполне характерно для эпохи Маркса, когда партия Центра выполняла функцию своеобразного шарнира между левым и правым крылом правительства. В образе рейхсланда Китц видел временную меру, не способную ответить на вопрос о будущем Германии как унитарного или федеративного государства [25].

Оригинальный проект реформы представил ландесгауптман провинции Саксония Э. Кюбнер. Территориальную чересполосицу Средней Германии, как полагал он, можно было преодолеть путем создания в регионе трех дееспособных и равновеликих имперских провинций: *Свободное государство Саксония* (Верхняя Саксония) с населением в 4,9 млн. человек и общей площадью 14 900 км.²; *Саксония-Ангальт* (на базе провинции Саксония, земли Ангальт и областей Магдебурга и Мерзебурга) с населением в 3,2 млн. и площадью 25 600 км.² (ранее 25200); *Тюрингия* (на базе земли с присоединением соседних областей) с населением 2,1 млн. (вместо 1,6) и общей площадью 14 800 (ранее 11 700) [26].

Представители высшей имперской и земельной бюрократии внесли существенный вклад в разработку концепции государственной реформы 20-х гг. Их деятельность

обуславливалась очевидными конструктивными недостатками веймарской федеративной системы, а проекты служили рабочим материалом для политической дискуссии на имперском уровне, способствовали росту регионального самосознания и давали четкое представление о состоянии дел в системе немецкого управления, экономики и финансов.

Список использованных источников

1. Poetzsch-Heffter F. Grundgedanken der Reichsreform. Berlin: Otto Liebmann, 1931.
2. Poetzsch-Heffter F. IM Kampfe um die Reichsreform // Deutsche Juristen-Zeitung (DJZ). – 1930. – Heft 24. – 1930. – S. 1557-1559, 1560.
3. Poetzsch-Heffter F. Entwicklung der Reichsreform // DJZ. – Heft I. – 1929. – S. 23.
4. Matz K.-J. Laenderneugliederung. Zur Genese einer deutschen Obsession seit dem Ausgang des Alten Reiches. Idstein: Schulz-Kirchner Verlag, 1997.
5. Hoepker L. Reichsreformbestrebungen in der Weimarer Republik. Frankfurt a.M.: Lang, 1980.
6. Hoepker-Aschoff H. Deutscher Einheitsstaat. Ein Beitrag zur Rationalisierung der Verwaltung. Berlin: Georg Stilke, 1928. – S. 20-27.
7. Conrad H. Wege zur Reichsreform. Berlin: Zentral-Verlag G.m.b.H., 1929.
8. Der Staatspraesident von Wuerttemberg, Betreff: Verhaeltnis zwischen Reich und Laendern, vom 9. Juli 1928 // BAK. – R 431/1877.
9. Sattler E. Das preussisch-deutsche Problem bei einer Reichsreform auf der Grundlage der Weimarer Reichsverfassung. Inaugural-Dissertation. Tuebingen: Druck der Buchdruckerei Eugen Goebel, 1932. 117 S. – S. 74.
10. Vorschlaege zur Reichsreform. Reichssparkommissar // Bundesarchiv Koblenz (BAK). – R 43 I/1877.
11. Brecht A. Reichsreform. Warum und Wie? Berlin: Georg Stilke, 1931.
12. Brecht A. Foederalismus, Regionalismus und die Teilung Preussens. Bonn: Fred. Duemmlers Verlag, 1949.
13. Weyermann D. Was man von der Reichsreform wissen muss? Berlin: Verlag von Georg Stilke, 1932.
14. Ritter E. Freie Reichslaender. Vorschlaege zum Ausbau des Reichs. Koeln: Im Gilde Verlag G.m.b.H., 1927.
15. „Meine unitarische Einstellung. Die vertrauliche Denkschrift von Reichsminister a.D. Erich Koch“, in Vossische Zeitung, vom 20. Januar 1926 // Bundesarchiv Berlin (BAB). – R 1501 / 125025. - S. 23.
16. Koch E. „Einheit und Freiheit“, in Berliner Volkszeitung, Nr. 1, vom 1. Januar 1927 // BAB. RMDI. R 43 1501 / 125025. – S. 85.
17. Koch E. „Meine unitarische Einstellung“, in: Demokratischer Zeitungsdienst, Sonderausgabe, vom 20. Januar 1926 // BAK: Reichsreform. – R 43 I/1872. – S. 204-206.
18. Koch-Weser E. Die Reichsreform. Zwischenloesung oder Endloesung // BAK. – NL W. Schuecking 15.
19. Horion J. Probleme der Reichsreform. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1931.
20. Lomeyer H. Zentralismus oder Selbstverwaltung. Ein Beitrag zur Verfassungs- und Verwaltungsreform. Berlin 1928.
21. Bloch C. Die Reichsgestaltungstendenzen in Deutschland von 1918 bis zur Gegenwart. Diss. Dormund-Marten: Th. Franz Boehmer, 1932.
22. „Reichsprovinzen? Ein Gesetzesvorschlag von Dr. Hermann Luppe. Oberbuergermeister in Nuernberg“, in Vossische Zeitung, vom 7. Oktober 1927 // // BAB. RMDI. R 43 1501 / 125025. – S. 246.
23. Schulz I, S. 512.
24. Apelt W. Geschichte der Weimarer Verfassung. 2. Aufl. Muenchen/Berlin: Beck, 1964. – S. 393.
25. Ehlers H. Wesen und Wirkungen eines Reichslandes Preussen. Abhandlung. Diss. Borna-Leipzig: Universitaetsverlag von Robert Noske, 1929. – S. 8, 76.

26. „Dreigliederung Mitteldeutschlands“, in: Vossische Zeitung, Nr. 558, vom 26. November 1929 // BAK. R 43 I/1881: Reichsreform. – S. 236.

КОНЦЕПЦИЯ «ИМПЕРСКОЙ РЕФОРМЫ» СОЮЗА ЛЮТЕРА (1928-1933 ГГ.)

Субботин О.Г.

Попытки правительства В. Маркса с помощью Земельной конференции 1928-1930 гг. запустить механизм «имперской реформы» нашли живой отклик в немецком обществе. В краткие сроки было создано большое количество проектов, наиболее комплексным из которых являлась концепция Союза за обновление рейха, или Союза Лютера (далее СОР). Основанный 6 января 1928 г. по инициативе экс-канцлера Г. Лютера (беспартийный, с 1927 г. в ННП), в своих рядах он объединил видных политиков, служащих, ученых, публицистов, промышленников и банкиров, или, как писала «Фосише Цайтунг», «широкий круг лиц – от портье ... до министров» [1, S. 37]. Здесь были признанные бонзы немецкой индустрии – Р. Бош (Штуттгарт), Г. Крупп (Эссен), Г. Рехлинг (Саарбрюкен), П. Ройш (Оберхаузен), К. Ф. фон Сименс (Берлин), Ф. Тиссен (Мюльгейм), А. Феглер (Дортмунд), банкиры Я. фон Шиндлер (Берлин), Л. Гаген (Кельн), Ф. фон Мендельсон (Берлин), представители аграрного сектора М. фон Браун и Э. Г. фон Калькройт, политики В. Ф. фон Гайль (ННП), Ф. фон Пален, бургомистр Гамбурга К. В. Петерсен, обер-бургомистры Кельна К. Аденауэр, Эссена Брахт и Дуисбурга К. Яррес, ландесгауптман Рейнской провинции И. Хорион (Дюссельдорф), проф. Г. Аншютц, экс-канцлер В. Куно и др. [2, S. 672-673]. Большинство из них стояли на умеренных унитарных позициях, будучи членами НДП, Центра и ННП. Единственным известным социал-демократом в составе СОР являлся ганноверский обер-бургомистр Г. Носке. Среди тех, кто поддерживал планы Союза были историки О. Бекер, Ф. Хартунг, Ф. Майнеке, Э. Майер, Г. Ротфельс, Дельбрюк (все Берлин), юристы В. Каль (Берлин) и В. Шюккинг (Киль), социолог А. Вебер (Гейдельберг). Под текстом воззвания СОР стояли также подписи Макса Планка и жены М. Вебера Марианны Вебер [3, S. 58; 4, S. 241]. Ареной общественно-научной дискуссии ему служил основанный не задолго до этого журнал «Рейх и земля». Левые и правые радикалы, а также баварские федералисты не были представлены в Союзе [5; 6].

Во главу угла Союз Лютера, убежденный в наличии прямой зависимости между уровнем власти рейха и силой его внешнеполитического и экономического влияния, ставил конституционные преобразования, основанные на общественном договоре. Достичь его предлагалось за счет компромисса между унитариями и федералистами. СОР желал усилить позиции органов управления земель, провинций, городов, округов и общин, ликвидировать варварские государства, упразднить институт префектов и прекратить борьбу с историческими традициями самоуправления. Выработанное союзом «дифференцированное решение» являлось компромиссом, конструктивно учитывающим тенденции унитаризма на севере и федерализма на юге Германии. Его реализация, считает Э.Р. Хубер, «могла существенно укрепить позиции рейха» и в то же время воспрепятствовать его чрезмерной унитаризации [2, S. 675-676].

В числе объективных предпосылок реформы СОР называл: дисбаланс в работе органов исполнительной и законодательной власти рейха и земель, отсутствие условий для проведения единой экономической политики, наличие эксклавов в средней и северной части Германии, отсутствие разумной системы финансового выравнивания, ущемление прав прусского населения в рейхсрате, несостоятельность большинства земель как государств, а именно: Гессена, Мекленбургов, Ольденбурга, Тюрингии, Ангальта, Брауншвейга, Гамбурга, Бремена, Любека, Липпе и Шаумбург-Липпе [7, S. 1].

В 1928 г. Союз издал свой главный труд под названием «Рейх и земля», сопровождаемый обширным списком библиографии по проблеме имперской реформы. Стержневая идея концепции СОР заключалась в создании рейхсланда «Пруссия» во главе с